

или особенно частаго пребыванія. Охотнѣ всего они населяютъ тѣ трущобы, гдѣ дремучіе лѣса разрѣжаются сплошными полосами недоступныхъ болотъ, на которыхъ никогда не ступала человѣческая нога, и лишь осторожно шагаютъ длинноногія болотныя птицы. Здѣсь на трясинахъ или заглохшихъ и заросшихъ озерахъ, гдѣ еще сохраняются пласты земли, сцѣпленные корнями водорослей, человѣческая нога быстро тонетъ, а неосторожнаго охотника и дерзкаго путника засасываетъ въ глубь подземная сила и прикрываетъ сырымъ и холоднымъ пластомъ, какъ гробовой доской. Тутъ ли не водиться злой дьявольской силѣ и какъ не считать чертамъ такіа мочаги, топи, ходуны-трясины и крѣпи-заросли благопріятными и роскошными мѣстами для надежнаго и удобнаго жительства?

— Отчего ты, чертъ, сидишь всегда въ болотѣ? — спрашиваетъ, обездоленный болотистой и мокрой родиной, бѣлоруссъ своего рогатаго и хвостатаго черта.

— Привыкъ! — коротко и ясно отвѣчаетъ тотъ, и отвѣчаетъ какъ за себя лично, такъ и за другихъ, столь же неохотно перемѣняющихъ старое и насиженное мѣсто жительства на неизвѣстное, хотя бы и лучшее. новое.

— Въ тихомъ болотѣ черти водятся, — неизмѣнно вѣрятъ великоруссы.

— Было-бы болото (подкрѣпляютъ они, съ другой стороны), а черти будутъ.

— Не ходи при болотѣ: чертъ уши обколотитъ, — доброжелательно совѣтуетъ третья изъ множества и столь же распространенная пословица *).

*) Изъ подобныхъ пословицъ въ народѣ вращаются, напр., еще слѣдующія: „навели на бѣса, какъ бѣсъ на болото“; „ходить чертъ по мхамъ, по борамъ, по болотамъ“; „всякій чертъ свое болото хвалитъ“; „вольны черту на своемъ болотѣ орать“; иной ворочаетъ въ домѣ, какъ чертъ

— II выльзъ бы чертъ изъ болота, и пошелъ бы въ деревню къ мужику на свадьбу, да попа боится — выдаютъ за истинно провѣренное наблюденіе.

Болотные черти живутъ семьями: имѣютъ женъ, плодятся и множатся, сохраняя свой родъ на безконечныя времена. Съ ихъ дѣтьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (въ отличіе отъ нѣмецкихъ красненькихъ)*), мохнатыми и въ шерсти, съ двумя острыми рогами на макушкѣ головы и длиннымъ хвостомъ, не только встрѣчались деревенскіе русскіе люди, но и входили съ ними въ разнообразныя сношенія. Образчики и доказательства тому въ достаточномъ количествѣ разбросаны въ народныхъ сказкахъ и, между прочимъ, въ извѣстной всѣмъ Пушкинской сказкѣ о работникѣ Балдѣ. Одинъ солдатъ, строгихъ николаевскихъ временъ, проносилъ чертенка въ тавлинкѣ цѣлый годъ со днемъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что черти — востроголовые, какъ птицы сычи, а многіе, сверхъ того, увѣрены, что эти духи непременно хромые. Они сломали себѣ ноги еще до сотворенія человѣка, во время сокрушительнаго паденія всего сонма бѣсовъ съ неба*). Такъ какъ на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избѣжаніе вражды и ссоръ, очертила свои владѣнія кругомъ. Этотъ кругъ возымѣлъ особое дѣйствіе и силу: всякій попавшій въ него и переступившій слѣдъ нечистаго, обязательно блуждаетъ и безъ помощи особыхъ средствъ изъ него не выйдетъ и не избавится отъ дьявольскаго навожденія.

въ болотѣ и править домомъ, какъ тотъ же чертъ болотомъ“, „гнилаго болота и чертъ боится“ и т. д.

*) У нашихъ чертей красными бываетъ только колпакъ на головѣ.

*) Какъ сообщаютъ изъ Смоленской губ., черти летѣли съ неба сорокъ дней и сорокъ ночей, и кто гдѣ упалъ, тотъ тамъ и остался хозяиномъ.

Когда народная фантазія надѣлила чертей многими человѣческими свойствами, послѣдовательность воображенія потребовала изобрѣтенія дальнѣйшихъ сходствъ и уподобленій. Безспорно рѣшено, что эти духи подвержены многимъ людскимъ привычкамъ и даже слабостямъ: любятъ ходить въ гости другъ къ другу, не прочь подпировать съ разваломъ. На своихъ любимыхъ мѣстахъ (перекресткахъ и розстаняхъ дорогъ) черти шумно справляютъ свадьбы (обыкновенно съ вѣдьмами) и въ пляскѣ поднимаютъ пыль столбомъ, производя то, что мы называемъ вихрями. При этомъ люди, бросавшіе въ такіе пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на томъ мѣстѣ находили всегда слѣды крови и, послѣ того, какая-нибудь слышущая вѣдьмой колдунья долго ходила либо съ обвязаннымъ лицомъ, либо съ подвязанной рукой. На пирахъ, устраиваемыхъ по случаю особенныхъ побѣдъ надъ людьми, равно какъ и на собственныхъ свадьбахъ, старые и молодые черти охотно пьютъ вино и напиваются; а сверхъ того любятъ курить табакъ, получаемый въ даръ отъ догадливыхъ и трусливыхъ людей *). Самое же любимое занятіе, превратившееся у чертей въ неутолимую страсть, это — игра въ карты и кости. Въ игрѣ для чертей нѣтъ удержу и не установлено законовъ: проигрываютъ все, что есть за душой (а душа имъ полагается настоящая, почти такая же, какъ у людей). Впрочемъ, если пойдеть дѣло на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна въ изобрѣтеніи и самого вина и табачнаго зелья, да и нечистая игра въ карты съ перодержкой и подтасовкой отнесена прямо къ бѣсовскимъ же вымысламъ и наукамъ. Конечно, всѣ эти навіты требуютъ тщательной

*) Олопчане даже къ рыболовнымъ сѣтямъ привязываютъ листовоі табакъ.

провѣрки въ виду того, что уже слишкомъ во многомъ обвиняють чертей, напр., даже въ изобрѣтеніи такихъ злаковъ, какъ чай и картофель,—не далѣе начала прошлаго столѣтія вошедшихъ во всеобщее употребленіе. Въ послѣднемъ случаѣ оказывается явный поклепъ; первое же обвиненіе—въ изобрѣтеніи вина и табачнаго зелья—затемняется противорѣчивыми показаніями. Очевидно, свидѣтели, недостаточно увѣренные въ самомъ фактѣ, стремятся лишь настойчиво навязать то, въ чемъ сами не вполне убѣждены и еще колеблются. Такъ, напр., вологжане думаютъ, что предковъ ихъ выучилъ варить веселое пойло какой то странникъ въ благодарность за то, что одинъ добрый мужикъ пріютилъ его: посадилъ за столъ, нарѣзалъ нѣсколько ломтей хлѣба, поставилъ солонку съ солью, жбанъ съ квасомъ. Вдвоемъ они открыли нѣсколько кабаковъ, и потянулся туда народъ безчисленными толпами. Во Владимірской губ. чертъ (также въ видѣ странника, въ лаптяхъ, въ кафтанѣ и съ котомкой за плечами), повѣдалъ тайну варить пиво встрѣчному бѣднягѣ, который выплакалъ ему свое житейское горе и разжалобилъ его. Счастливый мужичекъ въ послѣдствіи похвастался своимъ умѣньемъ царю, а неизвѣстный царь велѣлъ варить во всемъ государствѣ это самое пиво, которое теперь прозываютъ виномъ. У Смоляковъ чертъ со своимъ винокуреннымъ мастерствомъ нанялся въ работники и научилъ добраго хозяина гнать водку, какъ разъ наканунѣ свадьбы дочери и т. д.

Въ разсказахъ о происхожденіи табаку еще больше разногласій: то онъ выросъ изъ могилы кровосмѣсителей (сестры и брата), то изъ головы евангельской блудницы (Вятск. г.), то изъ тѣла свихнувшейся чернички, убитой громомъ (Пенз. губ.), то, наконецъ, изъ могилы какого-то

невѣдомаго человѣка (Симб. г.). У Вологжанъ есть повѣрье, что разводить табакъ выучилъ встрѣчнаго въ лѣсу помѣщика неизвѣстный черныи охотникъ, и т. д.

Въ подобныхъ догадкахъ и розыскахъ дошли досужіе люди до забавнаго и веселаго. Разъ у черта (разсказываютъ мещовскіе калужане) померла теща и захотѣлъ онъ ее помянуть получше. Собралъ онъ всѣхъ грѣшниковъ по этой части, т. е. курильщиковъ и нюхальщиковъ. Вотъ куритель курить—курить да сплюнетъ. Чертъ увидалъ это и велѣлъ всѣхъ курильщиковъ прогнать: они тещѣ его всѣ глаза заллевали. А нюхальщиковъ всѣхъ оставилъ: они понюхаютъ и ихъ прошибетъ слеза — значить, и хорошо для поминокъ—то чертовой тещи. У тѣхъ же калужанъ, придерживающихся старой вѣры (въ Мещовскомъ уѣздѣ), сложилась насмѣшливая поговорка: «наша троица въ табакѣ роется» (намекъ на то, что нюхальщики роются въ табакеркахъ тремя пальцами, и какъ разъ тѣми, которые слагаются для крестнаго знаменія).

II. ВЪ ЛЮДЯХЪ.

Всѣ прямыя отношенія нечистой силы къ человѣческому роду сводятся къ тому, что черти либо проказать, прибѣгая къ различнымъ шуткамъ, которыя у нихъ, сообразно ихъ природѣ, бываютъ всегда злы, либо наносятъ прямое зло въ различныхъ его формахъ и, между прочимъ, въ видѣ болѣзней. Словомъ — черти устраиваютъ противъ людей всякія козни и исполняютъ главное свое назначеніе, состоящее въ многообразныхъ искушеніяхъ. Для облегченія своей дѣятельности, во всѣхъ ея направленіяхъ, дьявольская сила одарена способностью превращеній, т. е. черти могутъ совершенно произвольно смѣнять свою подозритель-

ную и страшную бѣсовскую шкурку, припимая личину, сходную съ людскою и вообще принимая формы, болѣе знакомыя и привычныя для человѣческаго глаза.

Превращенія. Переверты всякаго рода и разнообразныя перекидыши производятся чертами съ такою быстротою и внезапною стремительностью, какой не въ силахъ представить себѣ людское воображеніе: послѣдовательно прослѣдить быстроту этихъ превращеній не можетъ самый зоркій глазъ.

Всего чаще черти принимаютъ образъ черной кошки, почему, во время грозы, догадливые деревенскіе хозяева всегда выбрасываютъ животныхъ этой масти за дверь и на улицу, считая, что въ нихъ присутствуетъ нечистый духъ (отсюда выраженіе, что при ссорѣ пробѣгаетъ между людьми черная кошка). Не менѣе того черти облюбовали образъ черной собаки, живыхъ людей (при случаѣ, даже малаго ребенка) и великановъ огромнаго роста, вровень съ высочайшими соснами и дубами. Если задумаетъ чертъ выдти изъ своего болота въ человѣческомъ образѣ и явиться, напр., бабѣ въ видѣ верпуншагося изъ отлучки мужа, то онъ представляется всегда скучающимъ и ласковымъ. Если же встрѣчается онъ на дорогѣ, обернувшись кумомъ или сватомъ, то является непремѣнно пьянымъ и готовымъ снова выпить, да сдѣлаетъ такъ, чтобы свать очутился потомъ либо на краю глубокаго оврага, либо въ колодезѣ, въ помойной ямѣ, либо у дальняго сосѣда и даже на сучкѣ высокаго дерева съ еловой шишкой въ рукѣ, вмѣсто рюмки вина.

Остальныя превращенія идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Черти оборачиваются: въ свинью, лошадь, змѣю, волка, зайца, бѣлку, мышъ, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), въ сороку (изъ птичьяго рода это любимый образъ) и разныхъ другихъ птицъ и животныхъ. Изъ послѣднихъ,

между прочимъ, въ неизвѣстныхъ, неопредѣленнаго и страшнаго вида *). Перевертываются даже въ клубки нитокъ, въ вороха сѣна, въ камни и пр. Вообще черти принимаютъ самыя разнообразныя формы, какія только способно допустить пылкое людское воображеніе, однако же не безъ нѣкотораго ограничительнаго законнаго предѣла. Такой предѣлъ существуетъ и упорно оберегается: не всегда, напр., рѣшаются черти представляться коровой, самымъ дорогимъ и полезнымъ домашнимъ животнымъ, да подобному перевертышу и самая глупая баба не повѣритъ. Не дерзаютъ злые духи прикидываться пѣтухами—вѣстниками приближенія свѣтлаго дня, который столь ненавистенъ всякой злой силѣ, и голубями—самой чистой и невинной птицей въ цѣломъ мірѣ, памятуя, Кто удостоивалъ принимать на себя образъ этихъ милыхъ и ласковыхъ воркуновъ изъ царства пернатыхъ. Точно также никто не видалъ злой нежити въ ослиной шкурѣ, такъ какъ всей ихъ нечистой породѣ, со времени явленія Христа на землѣ, стало извѣстнымъ, что самъ Господь благоволилъ избрать осла, для своего побѣдоноснаго шествія во святой градъ, къ прославленію своего божественнаго имени и ученія.

Какой бы образъ ни принялъ на себя дьяволъ, его всегда выдаетъ сиплый, очень громкій, голосъ съ примѣскою устрашающихъ и зловѣщихъ звуковъ («духъ со страху захватываетъ»). Иногда онъ каркаетъ чернымъ ворономъ или стрекочетъ проклятой сорокой. По черному цвѣту шерсти животныхъ и птичьихъ перьевъ, тоже распознается присутствіе хитрыхъ бѣсовъ, и притомъ именно

*) Въ лѣсу съ лѣсомъ „равонъ“, говорятъ въ Саранульскомъ уѣздѣ Вятской губ.,—въ полѣ съ травой, а въ людяхъ съ человѣкомъ (равонъ т. е. схожъ).

бѣсовъ, потому, что, напр., колдуны и вѣдьмы, въ отличіе отъ чертей, бываютъ перевертышами исключительно бѣлыхъ и сѣрыхъ цвѣтовъ. Зато при всякомъ превращеніи черти-дьяволы такъ искусно прячутъ свои острые рожки и подгибаютъ и свертываютъ длинный хвостъ, что нѣтъ никакихъ силъ уличить ихъ въ обманъ и остережся ихъ.

Искушенія. Смуцать человѣческій родъ соблазномъ или завлекать лукавствомъ — прямая цѣль дьявольскаго пребыванія на землѣ. Причемъ люди искушаются по прямому предписанію изъ преисподней и по особому выбору самого князя тмы или сатаны. Стараются совращать съ пути блага и истины тѣ наиболѣе искусные черти, у которыхъ наука искушеній доведена до высокой степени совершенства въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ неустанной и неослабной работы. Искуситель всегда налицо: зазвенѣло въ лѣвомъ ухѣ — это онъ летѣлъ сдавать сатанѣ грѣхи того человѣка, сдѣланные за день и вотъ теперь прилетѣлъ назадъ, чтобы снова стать на стражѣ и выжидать случая и повода къ соблазнамъ. Искуситель, по народному представленію, неизбѣжно находится у человѣка съ лѣваго бока и шепчетъ ему въ лѣвое ухо о такихъ злыхъ дѣяніяхъ, какія самому человѣку и въ умѣ не пришли бы безъ коварныхъ навѣтовъ черта. «Чертъ попуталъ» — увѣренно и обычно говорятъ всѣ, испытавшіе неудачу въ начинаніяхъ, а еще чаще тѣ, которые неожиданно впали въ прегрѣшеніе. Могутъ попутать свои грѣхи, могутъ попутать недобрые люди, но, по народнымъ понятіямъ, и въ томъ, и другомъ случаѣ дѣйствуютъ колдуны, вѣдьмы и злые духи кромѣшнаго ада. Для послѣднихъ личный прямой расчетъ заключается не въ томъ, чтобы связываться, напр., съ ворами и разбойниками — людьми уже испорченными, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы уви-

ваться около хороших людей, испытанной твердости правилъ и добрыхъ нравовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ бѣсы работаютъ съ полной увѣренностью въ побѣдѣ и съ вѣрой въ свою великую силу: «чертъ горами качаетъ» — говорится испоконъ вѣка. Вотъ нѣсколько народныхъ разсказовъ, характеризующихъ власть чертей надъ человѣкомъ.

Жилъ въ деревнѣ паренъ хорошій, одинокій, и въ полномъ достаткѣ: лошадей имѣлъ всегда штуки по четыре; богомольный былъ — и жить-бы ему да радоваться. Но вдругъ ни съ того, ни съ сего началъ онъ пьянствовать, а потомъ, черезъ недѣлю послѣ того, свою деревню поджогъ. Мужики поймали его на мѣстѣ: и спички изъ рукъ еще не успѣлъ выбросить. Связали его крѣпко, наладились вести въ волость. На задахъ поджигатель остановился, сталъ съ народомъ прощаться, поклонился въ землю и заголосилъ:

— Простите меня, православные! И самъ не вѣдаю, какъ такой грѣхъ прилучился, — и одинъ ли я поджигать, или кто помогать и подговаривать — сказать не могу. Помню одно, что кто-то мнѣ сунулъ въ руки зажженную спичку. Я думалъ, что дастъ прикурить цыгарку, а онъ взялъ мою руку и подвелъ съ огнемъ подъ чужую крышу. И то былъ незнакомый человѣкъ, весь черный. Я отдернулъ руку, а крыша уже загорѣлась. Я хотѣлъ было спокоеяться, а онъ шепнулъ: «побѣдимъ отъ нихъ!» Кто-то догналъ меня, ткнулъ въ шею, свалилъ съ ногъ — вотъ и связали. Оглянулся — половина деревни горитъ. Простите, православные!

Стоить на колѣняхъ бѣдный, тоскливо на всѣхъ глядитъ и голосомъ жалобно молить; слезами своими иныхъ въ слезы вогнать. Кто-то вымолвить:

— Глядите на него: такіе ли бывають людехи?

— Видимое дѣло: чертъ попутать.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предпринявъ изслѣдованіе быта великорусскихъ крестьянъ—землепашцевъ, я обратился къ покойному С. В. Максиму, какъ къ знатоку народныхъ вѣрованій, прося его помочь мнѣ разобратъ въ матеріалахъ, собранныхъ по моей программѣ отъ мѣстныхъ сотрудниковъ.

Трудъ, который оставилъ мнѣ С. В. Максимовъ, не облегчилъ моей задачи, заключавшейся въ томъ, чтобы, опираясь на сообщенные факты народной жизни, придти къ общимъ выводамъ и установить связь между вѣрованіями крестьянина и его дѣятельностью, подъ которой я разумѣю поступки и поведеніе человека вообще.

Но сама по себѣ работа С. В. Максимова имѣетъ большія достоинства, и это одно налагаетъ на меня обязанность выпустить ее въ свѣтъ, не говоря уже о томъ, что имя автора, оставившаго такіе труды, какъ «Сибирь и Каторга», «Годъ на Сѣверѣ», «Крылатые Слова», и пр., настолько высоко стоитъ въ нашей народной литературѣ, что лишить русскихъ читателей послѣдняго сочиненія С. В. Максимова было бы преступленіемъ.

Въ настоящемъ своемъ трудѣ С. В. Максимовъ пользовался не только фактами, сообщенными моими со-